

# ЧУДНЫЕ ЛЮДИ<sup>1</sup>

Анатолий Цирульников

## ЛЕС ПОЛОН АНГЕЛОВ

Со стороны дороги над заповедником висит туман, как будто скрывает что-то. Что я знаю, кроме того, что туда нельзя? Представление о заповеднике как запретной зоне идёт с тоталитарных времён, но с тех пор в жизни кое-что изменилось. Повемерли поколения обитавших тут диссидентов, романтиков, научных карьеристов. Повемерили леса — и чёрные дымы, сточные ямы, пустоши приблизились к заповеднику вплотную. Чтобы сохраниться, ему надо открыться не только учёным и юннатам, но всему обществу, а оно само только начало открываться. Можно сказать, что заповедник стоит на пересечении двух открывающихся миров, природы и человека. А значит, и школы, если под ней понимать не крышу и стены.

## Интерпретатор

Внешность чеховского интеллигента, молодые глаза. По профессии Александр Михайлович Волков не учитель, а физиолог, исследователь человеческого мозга. Ещё в университете, проводя опыты с крысами, обнаружил, что первыми пользоваться кормушкой обучаются низкоранговые особи, затем высокоранговые, а доминант отбирает еду у тех, кто научился. Этот пример школьникам Волков приводит не для подражания, а для размышления. Всё-таки мы не крысы. И беседы проводит не в классе, а ведя группу, человек десять, по тропе вдоль границ заповедника — по крутому берегу речки, по склонам, зарослям, встречая на пути нечто, достойное внимания, и растолковывая его с разных сторон.

Он интерпретатор, Волков. «Смотрите, — говорит он детям, — какой необычный розовый куст черёмухи. Откуда он взялся? И что из этого следует?» И разворачивает логическую цепочку: кислотные дожди — изменение окраски цветка — ослабление завязи — грибок — уродливые плоды — неурожай — голодные медведи — истребляют домашний скот — мы ведём отстрел медведей...

Как в рассказе Рэя Бредбери, где бабочка, раздавленная путешественником в прошлом, прервала связь времён. «И грянул гром...»

В том, что делает Волков, тоже есть нечто фантастическое. Он как сталкер, проводник в зоне таинственных явлений, только тут не свалка, а заповедный лес, по границам которого он ведёт детей, а если взрослых, они всё равно как дети. В заповеднике все как дети. Добраться сюда непросто: на машине, на тракторе, на «Буране» с прицепленными санями, на охотничьих коротких лыжах, по реке, нащупывая палкой брод, или во время ледохода.

Да он и не должен быть у дороги, заповедник. Но всё равно от мира не отгородиться. В Стерлитамаке, Салавате, Магнитогорске земля чадит, дымит, горит. А тут — последний клочок реликтовой, незаражённой земли, на которой сидят не от мира сего люди, ведут летопись: такого-то числа появились первые проталины, такого-то прилетели галки. Цветение мать-и-мачехи, первый рёв маралов... И так десятилетие за десятилетием. И каждую минуту на Земле исчезает один вид живого. Бесследно, навсегда.

В штате заповедника три специалиста по эколого-просветительской деятельности. Должность эта в штате появилась недавно, и поначалу никто не знал, в чём её смысл. Читать бабкам лекции? Журить браконьеров? Поздно, слишком поздно... Разве что действовать через детей?

**Мы продолжаем публикацию очерков по этнопедагогике. На этот раз речь пойдёт о Башкирии.**

1

Продолжение.  
Начало в НО. 2004.  
№ 1.



Так возникла заповедная школа, где учатся дети из окрестных деревень и приезжающие из других районов и городов. Они идут по тропе. Зимой и летом, в разное время года, ночуя в избушках на кордонах или в палатках, собираясь у костра, погружаясь в весенний гомон или осенний листопад («природа учит человека непосредственно, в силу самого пребывания в ней» — так записано в их программе).

Есть урок: прийти на гору и посмотреть на мир молча — в такую минуту не надо слов. А потом спуститься и услышать музыку, фугу фа-минор Баха, которая звучит в «Солярисе» (Волков считает, что подросткам нужно что-то промежуточное между классикой и попсой), что-то переходное, вроде буферной зоны в заповеднике, ребёнок входит в неё, и ему предлагают: «рисуй радость», и он рисует — выражает свою радость. «У детдомовских, — замечает Волков, — были вначале чёрные цвета, а потом всё светлее, светлее...»

В его рабочей тетради — пособия для здешних интерпретаторов — описывается это состояние счастья, полноты и смысла. Когда возникает ощущение, что ты сам внутренне переменялся и знаешь смысл собственной жизни и бытия. Ощущение связанности всего со всем...

А приходят сюда дети, как ёжики, всего боятся. Потом раскрываются. Интерпретаторы заметили, что дети, которые живут в лесистой местности, чудесно поют. А выросшие в степи прекрасно танцуют.

В набиевской школе, рядом с заповедником, собрались на праздник дети из окружающих деревень, в каждой теперь экологическая группа, дела вроде незатейливые — огородить муравейник, очистить речку, но, оказывается, в них то, над чем бьются целые институты — индикаторы воспитания. Вот он, индикатор, — чистая речка...

Мы идём с Волковым по заповедной тропе, и он интерпретирует. В почве, в горных породах содержатся возможности будущей адаптации. Чуть что — сосновый лес меняется на берёзовый,

более живучий. В природе надо искать то, что нужно культуре. Живучие культуры — и не живучие.

О, эти элегантные вещи.

О, эти элегантные вещи,

Которые постоянно обманывают нас...

Волков читает из древнеяпонской поэзии Басё, а я думаю, глаза по сторонам: здорово было бы здесь поселиться.

Он как будто угадывает мои намерения.

Хорошо бы в горах поселиться —

Только и слышно от фанфаронов столичных.

Как же! Заманишь их в горы!

Мы смеёмся. И, правда, всё это лишь намерение. Даже всемирно известный биолог Джордж Шиллер говорил: вернуться к жизни в простоте мне уже не удастся. Я хотел бы, чтобы это сделали мои дети.

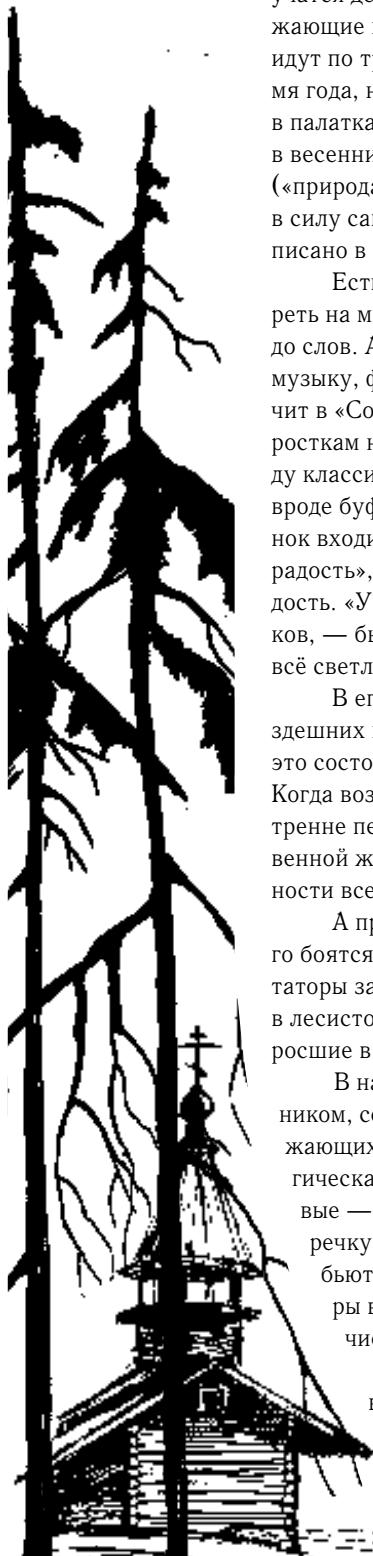
Все рассчитывают на следующие поколения, перекалдывают проблему на будущее, а это нелепо, считает Волков, если подумать о скорости, с которой она распространяется.

Каждую минуту исчезает вид и мириады связей с другими.

«Вы не думайте, — говорит мне Волков, — что мы сами всё делаем. Мы только посредники. Просто связываем. Толчок, сцепление...»

Всего несколько человек — Ильсаф, Василя, Альфия — коллеги Волкова, но своей необычной деятельностью они связывают многих. Деревенских и городских, крестьян и научных сотрудников, детей и родителей. «Какой лес более устойчив? — размышляет Волков, ведя меня по тропе. — Разновозрастный и разновидный. Как и общество...»

Вот ещё пример интерпретации — маралы и лоси. Одни питаются кустарником, другие корой и листьями деревьев, а живут на одной горе, в одном лесу. «Так и либералы, и консерваторы, демократы и коммунисты могут сосуществовать». Я не соглашусь, говорю что-то про волков. «И волки тоже нужны».





Природа богаче любых социальных конструкций, мудрее их. В природе нет партий. Нет национальностей. В лесу нет начальника, вожаки встречаются в разных стаях, а начальника у леса нет. «Ребятам на слёте дали задание: представьте, что вы на мёртвой планете восстанавливаете жизнь. Как? А теперь представьте, что восстанавливаете устойчивое общество...»

И дети из глухих деревень поняли, что существует всего два типа обществ — закрепощённое и свободное. А потом, обдумав свои действия по спасению мёртвого общества, пришли к выводу: не надо людям особого начальства, надо всё делать самим. «Нас это поразило, — говорит Волков. — Откуда это у них?»

Так ведь он сам постоянно вслух интерпретирует — вот и они тоже...

Погружение в природу и никакой спешки — их принцип. Рассмотреть предмет с разных сторон. Попытаться выявить универсальное. В природе всё низкопотенциально. Энергетический потенциал живой клетки — один вольт. В природе не скапливается большая энергия, поэтому у неё без вмешательства людей не бывает катастроф. Природа не гонится за сумасшедшими дивидендами, не выжимает ресурсы. Этим дикие животные отличаются от домашних. Дикие видят, что мало корма, и у них срабатывает инстинкт — уходят. А домашние жуют, что дают, концентрируются. Перспектива — волки никогда не появятся там, где мало жертв. «Не хочешь быть жертвой, — говорит интерпретатор, — не концентрируйся»...

Хорошо бы написать учебное пособие для интерпретаторов, но у Волкова нет времени. Он же ещё научный сотрудник, наблюдатель. Зачем нужны наблюдатели? Почему мир устроен так, выпишу я из тетрадки Волкова, что все мировые константы — скорость света, гравитационная постоянная — согласованы столь точно, что даже ничтожное изменение, в долю процента, превратило бы Вселенную совсем в другой мир, в нём не могли бы существовать стационарные образования? Это означает, что саморазвитие Вселенной происходило бы без

свидетелей. Но это же означает, что Вселенная построена *под человека*...

Такого вот, думаю я, вроде Волкова, который ведёт детей по заповеднику и интерпретирует. Зачем? Вообще места тут чудесные. Зимой радуга была необычная, такой нимб вокруг солнца. В феврале вдруг набухли почки. НЛО то и дело обнаруживаются. Добро бы деревенские рассказы — так нет, сами научные сотрудники рассказывают: один видел тарелку изумрудного цвета, другой — НЛО в форме груши.

В ста километрах, на Лысой горе, в заповеднике «Шульган-Таш», встретили снежного человека, совершенно белого, дети за ним побежали — он точно в воздухе растворился.

А места тут неопишуемые — леса, реки, заснеженные горы. А воздух — пьёшь и не можешь напиться, а звёздное небо — нигде не видел такого яркого, и звёзд так много, и так они близко. И каждая звезда мигает, и горит, и поёт по-своему.

## Дивы и духи

Эту старинную поговорку Марат услышал от своего деда-сказителя: «Лес полон ангелов, и каждый делает свою работу». Хотя «ангел» — звучит не совсем по-башкирски, скорее — дух. Их тут много. Дух леса, дух воды, дух дома. Самый главный — «тенгри», дух природы... Бурзянский район — самое глухое место на Южном Урале. Два человека на квадратный километр. Если и встречается дорога, то такая, что по ней страшно ехать. А вообще места древние. Здесь создавался народный эпос «Урал-Батыр»...

Заслуженный учитель из деревни Кипчак Марат Муллагулов, с которым меня познакомили коллеги Волкова, — местная достопримечательность. Краевед, эколог, учитель башкирского языка и литературы, писатель, художник, основатель мастерских народного творчества...

Топонимика здесь выразительная. В школе Муллагулова я разговорился со старшеклассниками, у которых были такие имена: Лейсан — «Весёлый дождь», Айселу — «Лунная красавица», Ильсаф — «Чис-





тая страна»... Очень похоже на индейцев. Заехавший в эти края корреспондент одного столичного журнала назвал здешних жителей неприрученными аборигенами. Народ не обиделся, но очень смеялся. Газеты тут получают исправно, и «видео» обмениваются деревня с деревней. Хотя телевизор с единственной программой — и та рябит.

Но это к лучшему, считает Марат Муллагулов, есть время для иных занятий. Они тесно связаны с заповедными. Это поначалу местные просветители читали лекции по экологии, водили по тропе да интерпретировали. А потом обратились к духам. Да тут никак нельзя без этого. Ландшафт такой. Сама возможность созерцать его сохраняет культуру, даже если всё остальное разрушено. В данном случае просветителям из заповедника повезло: язык, память сохранились на уровне подкорки. Надо было только толкнуть легонько...

Была такая легенда. В древние времена одно племя напало на другое. И женщина с младенцем отправилась за помощью в другое селение. Она очень спешила, бежала по берегу реки, скрываясь между деревьями, и поняла, что не успеет, — вот-вот их настигнут. Она решила облегчить ношу, оставить ребёнка здесь, увидела высоко на дереве грачиное гнездо, залезла на дерево, положила в гнездо ребёнка, а сама поспешила за помощью. Спустя несколько дней люди пришли на то место и обнаружили, что ребёнок жив-здоров, а грач кормит его. И люди решили отблагодарить птиц. С тех пор стали справлять «грачиный праздник». Много веков справляли, пока не пришла советская власть...

Марат Муллагулов предложил людям его возродить. И однажды в конце марта они вышли в лес, женщины и дети, как в легенде, неся птицам подарки, развешивая на деревьях кашу. Её принесли в больших казанах, из которых дети должны были ухватывать ложкой, а бабушки не пускать. Теперь такой праздник проходит каждый год, и не он один. Есть «кукушкин чай», не уступающий японским урокам любования природой: в конце мая дети поднимаются на вершину горы, заваривают чай и слушают бабушек и кукушек...

Многое выходит из этого заповедного леса.

В деревенской школе я видел: встав в полукруг, мальчики усердно дули в деревянные дудочки — называются «курай», а девочки танцевали в белых, взятых у бабушек, подвенечных платьях, и были как ангелы.

И как-то всё связывалось: и искусство, и память, и уроки. Внук народного сказителя, заслуженный учитель Марат Муллагулов пересекал с детьми вброд горную речку, в воде преломлял посох — и это был превосходный урок физики. Определяли травы и цветы, которые видели в пути, открывали розовый «сибирский первоцвет» — это был урок ботаники. Вели путевые заметки, собирали фольклор и сочиняли сами, импровизировали, рисовали по памяти... Поэтому у учеников Муллагулова (считавшегося когда-то учителем подозрительным, националистом, диссидентом) выходили научные работы, художественная фотография, высокая проза. Он писал, находясь в природе, и они писали; из 18 детей маленькой деревенской школы 10 человек окончили филфак, четверо стали писателями, один редактором... Ещё есть учитель, агроном, лесовод. Маленькая деревенская школа, вышедшая из леса. «Почему считают, — спрашивает меня Муллагулов, — если лес — значит, дремучая тьма. Но ведь оттуда все, и Ушинский, и Сухомлинский. И наши педагоги, философы, энциклопедисты — Ризаитдин бин Фэхретдин, у него сотня книг о воспитании, вы его знаете?»

Боюсь, что не я один не знаю этих мудрецов, ясновидцев, о которых он рассказывает. Этих имён, святых мест, об увековечении которых заботятся люди.

Но лес полон не одних ангелов.

С орнитологом Зульфией Багаутдиновой мы как-то пришли в предрассветный лес на глухариный ток. Сняли лыжи, встали под дерево, и Зульфия объяснила мне в темноте, как приближаться к глухарям: сделать пять шагов и замереть, потом опять пять... Но это раньше было, сказала она, а сейчас три. «Почему три?» — шёпотом спросил я. «Фактор тревожности».



Тревога зверей и птиц — свидетельство подступающей к лесу грязи. В Белорецком районе — могильники радиоактивных отходов. В Стерлитамаке — подземные взрывы. В Челябинске, тоже неподалёку, — авария, о которой не пишут. И под самым носом разработки радиоактивного боксита. Успокаивают, что фон в пределах допустимого, но люди всё видят. Японцы приезжали, постояли у пещеры с дозиметрами, а в пещеру не полезли...

А за невидимой бедой грядёт видимая. Десять лет назад уже пытались построить водохранилище, грозившее затопить заповедные места и деревни. Тогда это остановили — гласность, мода на экологию. Сегодня — новая попытка. Решено превратить национальный парк «Башкирия» в Юмагузинское водохранилище, которое, по оценкам специалистов, не решит проблем водоснабжения, зато затопит заповедник, разрушит уникальные леса, аналога которым нет в Европе, уничтожит редкие растения и животных, археологические памятники, пещеры, селения... Разрушит жизнь живущих здесь людей.

Я нашёл в библиотеке «Урал-батыр», башкирский народный эпос. Это история о человеке, который хотел найти живую воду, чтобы стать бессмертным. Но пройдя тяжкие испытания, обретя, наконец, то, что желал, он осознаёт, что бессмертие стало бы для человека мукой, и оропил живой водой — делая бессмертной — природу.

«Не надо воду из озера пить / Жизнь свою понапрасну губить... / Другой в озёрах не станет вода. / Как материнское молоко / Не вспоит страну никогда».

Что такое эпос? Памятник культуры? Кладёзь мудрости? Или не то и не другое, а тайное и пророческое, частью которого становимся мы, дописывая его недописанные страницы?..

## ПЧЁЛКА

Пять лет назад она ходила с друзьями в поход и набрела на это место. Был ноябрь, полнолуние, она сидела у избушки и смотрела на заснеженные ульи, не зная, что

в них никого нет, вообще этой пасеки давно нет, и вдруг пришла мысль, слово одно — «пчёлы». Она ещё подумала: что пчёлы, ну и что ж, что пчёлы... Вернулась домой в Уфу, а мысль не даёт покоя, и это место, она им заболела. И решила зачем-то пойти учиться на пчеловода. Иногда с ней это случается, вдруг приходят в голову странные мысли, она чувствует, не её — такие сильные, чистые. Она пошла в университет, и там первый человек, которого встретила в коридоре, оказался, вот чудо, из этих мест, и он ей сказал — вам надо ехать в «Шульган-таш». Ничего не объяснял, просто посмотрел ей в глаза: «Там красиво».

А у неё тогда в жизни всё смешалось, полетело кувырком — дома и на работе, она была авиаконструктором на заводе, потом в клубе работала с детьми, всё полетело, и она оказалась представленной себе, бродила, искала сама не зная чего, и вот случай.

Взяла и написала о своей жизни директору Косыреву в заповедник. «Какой заповедник? Ну кто меня возьмёт туда?» — ходила и повторяла про себя. И вдруг приходит ответ — приезжайте. Она тут же ринулась — пурга, оттепель, машины не ходят, прошла под дождём и снегом в валенках двадцать километров, явилась вся мокрая с селёдкой в подарок и фотографиями края.

А Косырев как посмотрел на неё и на фотографии, сказал: «Что хотите, на выбор. И дом вот вам, живите». Дом показался ей таким огромным. И печка, а она с ума сходила по печкам. И сад. «Я своим глазам не поверила», — говорит Людмила Алексеевна Кичаева.

Я сижу в её доме и разглядываю. Дом уютен и красив, как хозяйка, говорящая немножко нараспев, чуть растягивая слова, как Татьяна Доронина, и трудно понять, что тут делать одной такой женщине. Изящные занавески, цветы, вьющийся хмель. Из окна вид на гору. «Она досягаема?» — спрашиваю Людмилу Кичаеву. «Все, кто приезжают, досягают, — отвечает она, — можно хоть сейчас взять лыжи и пройтись».

Так она, совершенно городской человек, оказалась в деревне. А тут ещё башкирская деревня. Всё новое. С какого конца ни возьмись.

Начала с музея природы. Избушка была у Каповой пещеры, заброшенная, она её обиходила. Бабочку на оконном стекле нарисовала, карту исчезнувших поселений. Стала хранительницей пещеры, которая зимой закрывается железной дверью от посторонних, а летом она её отпирает и водит экскурсии. Пещера — визитная карточка заповедника — по башкирски Шульган-Таш, что в переводе «ушла вода под камень» или «умерла под камнем», можно и так, и этак. Бежит речка, попадает в карстовую воронку, каких тут немало, пять километров течёт под землёй, намывает пещеру, а потом выходит наружу, образуя грифон — голубое озеро.

Людмила Алексеевна взяла ключи, фонарь, и мы отправились в путешествие с ночевкой в Капову пещеру, так её называют, то ли из-за наслоений, наплывов, то ли из-за звука капли, слышимой тут в любое время. Мы полазили по залам — Бриллиантовому, Ра-



дужному, Горного Короля, и хозяйка показывала мне свои сокровища, выхватывая из темноты фонарём свисающие со свода громадные сосульки, ледяные столбы, сталактитовые иглолки, а в зале Хаоса, где раскиданы беспорядочно камни, валуны, — загадочные рисунки. Сорок лет назад зоолог Рюмин искал тут летучих мышей, а нашёл древнейшие в Восточной Европе наскальные изображения. Людмила осветила фонарём — и я увидел дикую лошадь, мамонтиху с мамонтёнком, «антропоморфа» — человека с клювом... В пещере всегда семь градусов тепла, из чего Людмила делает вывод, что люди тут никогда не жили, а использовали как убежище во время междоусобных войн и катаклизмов. «Вот сделают это водохранилище, будем жить, как в пещере». Фонарь мигал, не дай Бог погаснет, останешься тут до второго пришествия. Мы потушили фонари. Четырнадцатитысячелетний мрак. Шорохи, бульканье, многоголосие капли. А ближе к выходу — напористый, как мотор, шум ручья. Звуки вечности — и звуки жизни. Мы вышли на свет. Сторожка, в углу стоят лыжи, и светящаяся чудесная бабочка на стекле. Как прекрасна жизнь...

Потом мы сидели у печки, ожидая, пока натопится баня, и Людмила рассказывала, как она в деревне принимала роды — в метель, никого поблизости нет, и как ребёнок выпрыгнул ей прямо на руки, и она увидела, какой он красивый.

Вот такая началась у неё странная жизнь, удивительная. Летом водила экскурсии, а зимой, ей казалось, страшно будет одной, одиноко. А дети... Раньше она работала с детьми, подростками-мальчишками, вот и подумала, что же это пропадает, то, что в ней есть, и попросила разрешения у нового директора школы вести как бы уроки. Слайды показывать — она много путешествовала по Саянам, Байкалу, Уралу, а они же в деревне слайды никогда не видели. А посмотрев на детей, была ими очарована — все рисовать хотят, и петь можно без микрофона — голоса чистейшие, сильные. Решила: раз это в них заложено, нужно учить на основе творче-

ства. «Ну вот, — говорит она, — так идея начала зреть...»

А осенью приехала Муслима Кильдиярова из Башкирского заповедника, и директор Косырев определил её к Людмиле в помощники. Грубоватая такая, простоватая, без всякого образования, а оказалась необычайно талантливым человеком. Теперь их было двое. Им дали комнату в школе, страшную, всё течёт, валится. Муслима разрисовала её цветами, бабочками. И начали они занятия с «Чайки» Ричарда Баха. Хотели, чтобы дети поняли, для чего живут. Ничего они не поняли. И к тому же очень плохо понимают по-русски. Тогда Людмила с Муслимой стали детям читать и под это чтение складывать вместе с ними разные картинки — из цветов, листьев, коры. Никакой программы не было, просто приходили и рассказывали — про бобров, про волков, и дети тоже им столько всего рассказывали, места ведь тут волчьи. Ничего казённого, всё по-домашнему, дети по классу ходили, бегали. Флейту слушали — к Людмиле приехала из города дочь, и они вместе с учениками импровизировали: «Положите голову на стол. Слышите?» И дети передавали состояние души. Кончилось, пора расходиться, а они — давайте ещё флейту, давайте не пойдём, давайте ещё слушать...

С лебедем вот история... В начале декабря нашли лебедя замёрзшего, он даже стоять не мог, принесли к Муслиме домой. А у Муслимы трое детей стали его выхаживать, в полынью носить, чтобы поплавал. Это такое событие в деревне было... И в «Капельке», так назвали клуб, стали рассказывать про лебедей, чем они питаются, какие виды, что все белые, а бывают и серые. И начали придумывать сказку: как он тут оказался? И что будет дальше? И получилось у детей, одно к одному, что этот лебедь заколдованный. А они все на танцы ходят, даже салаги, и вот передают друг другу известие, что в сельском клубе появилась незнакомая девушка, она-то и есть лебедь...

Я посмотрел фотографии из их праздничной жизни. Постоял за школой, слушая,





как дятел со скрипом отпирает лесную дверь. Сходил на занятия к Муслиме и послушал сказку про художника, который рисует лес, а старичок-моховичок его поправляет. «Какой же это лес, в нём только деревья. Ты за деревьями леса не увидел. А где же трава, цветы?»

И все рисуют цветы. А где же бабочки, кузнечики? Где птицы? И так они наполняют лес, и, когда он почти готов, Муслима предлагает каждому нарисовать в лесу себя и пересказать, что чувствовал, когда был кем-то. «А кто у нас такая красивая черёмуха?» — «Айселу!» — «А кто эта прекрасная бабочка?» — «Я, Айгуль!»

Мне вспомнился «Совет всех существ», который собирает интерпретатор Волков в соседнем заповеднике. Прожив неделю в лесу, дети усаживаются вечером вокруг костра в масках зверей, а один из них стоит — это человек, и каждый зверь высказывает ему свои упрёки, а человек оправдывается, потом другой становится на место человека, и в итоге все приходят к выводу, что зверям и людям нужно согласие. И звери наделяют человека «острым зрением орла», «терпением и гибкостью текущей воды», «непреклонностью роста дерева»...

Короче, Муслима поступила в заочную школу игровой экологии, и Людмила полностью передала ей дело. Она всё время так поступает: соберёт, соберёт, и вот на тебе, ты делай, а я пойду соберу другое. «Это всё не я делаю, — говорит она так же, как Волков. — Начали другие. А мы посланы как помощники. Как говорят, Бог в помощь».

В общем, она считает, лёд тронулся...

Первый раз в жизни она видела тут начало ледохода. Вдруг скрежет, треск пошёл по реке и стихло, как будто поезд остановился. Подумала — ещё нет. И вдруг опять шум, вначале тихий, как будто тронулся, а потом всё громче и громче, точно поезд набирает ход, и вот заскрежетало, загремело, загрохотало...

Здесь многое своими глазами увидишь, что человеку обычно недоступно. Жизнь, как сон. И наоборот.

Людмила живёт теперь на краю деревни у Лысой горы, которую назвала вулканом. Раньше сарай загоразивал, но за ящик водки мужики его перекатали, полдеревни собралось, думали, небось, дура какая, сарай передвигает. Зато теперь прямо перед окном гора, и из-за неё солнце выходит. Оказывается, как просто — передвинуть только сарай.

Клуб с детьми Людмила передала Муслиме, а сама занялась ещё одним сладким делом. Места эти медовые. И самый древний промысел — бортничество. Это целое искусство: выбрать дерево, дать ему выстояться, передавая от деда к внуку. Выдолбить дупло — «борт» — на высоте трёхэтажного дома, бегая по стволу вверх-вниз с помощью одного ремня. И это целая наука — о племени, в которое согласно легенде превратились «сметённые крылом ангела черви», о пчелином рое, так похожем на человеческий, где есть и матка, и детки, и трутни, и работники, которые снуют без усталости с цветка на цветок.

Вот и выходит педагогика. Людмила договорилась с директором заповедника Михаилом Косыревым, с другими, и они открыли школу лесного пчеловодства, где всё связано: древние промыслы, педагогика и жизнь. Если ребёнок освоит пчеловодство, то будет жить лучше. А если люди будут жить лучше, им выгодно, чтобы не уничтожали природу, которая их кормит. Отсюда получается союз заповедника, пчеловодов и детей, а пожалуй, и пчёл, которые им доверяют, вот ещё индикатор доверия — количество дупел, заселённых пчелиными семьями, увеличивается...

И всё видно, все твои дела как на ладони — вот музей, вот клуб, вот учебная пасека, у которой стоит композиция: старик и старуха с бортью и двойная колода в форме филина. Это местные придумали, лесники Хасан и Хабит...

И её уже нет. Кичаева уже в Уфе, в художественно-прикладном лицее, — откуда-то его выкопала, притащила сюда студентов и преподавателей, и они научили местных учителей, а те — детей, и вот теперь эти пятиклассники-шестиклассники что за чудо творят из дерева. И смысл появился, и перспектива, и тогдашний директор Урия Мухамедьярова загорелась идеей — заполнить пустой дом, бывшую пекарню, куда станут приходить люди и учиться, а дети будут показывать родителям, и возникнет школа — центр ремёсел.

Всё к одному складывается: и музей, и клуб, и уроки познания, и школа пчеловодства, и центр промыслов — в одно целое, как написано в проекте — «Экодело». Всё для этого есть, нужна только коробка, а уж они отделают. Только не типовая, каменная, какую хочет Министерство образования строить. Им говорят: зачем вам деревянная школа, она недолговечна, а мы вам построим из камня. Но что значит недолговечна, за 50 лет всё изменится. А навечно — это ужасно, потомки потом будут плевать.

Но местные желают каменную. В одной деревне она видела: стоит деревянный дом, а сверху обшит и кирпичики нарисованы. Так им хочется кирпичиков.



Или вот дорога, которую сюда тянут из Мракова. Людмила ходит по домам, говорит: а это хорошо для вас, дорога? У нас же всё открыто, двери не запираются, живёшь, как в семье. А придут пришлые люди... «Да мы измучились без дороги».

Она не против дороги, но надо же понимать, что из этого следует. Дорога — хорошо, но если едущие по ней люди не знают, откуда и куда... Это всё равно, как чудовищное водохранилище, которое грозит превратить чудный край в смердящую лужу. Изменить течение жизни, поток её, когда вместо туристов на надувных лодках и катамаранах, использующих течение, пойдёт встречный поток на моторках — всякого пьяного люда...

Что же, ни каменной школы, ни дороги, ни водохранилища? Оставить людей в глухой деревне? Ну почему глухой? Удивительно, Людмила живёт в глуши, а этого не чувствует. Может быть, из-за людей. Как-то спорили, она говорит — так это что в глуши живут, это не для нас. Потом подумала: ой, а я где?

Тут ещё советская власть попеременно с родоплеменным строем. Начальник-кум, начальник-зять.

И психология удивительная. Она, когда сюда приехала, удивлялась, думала, если договорились, сказал то-то, так и будет. Ничего подобного. И ещё удивляются: а что? Разве говорил? Ну, забыл. Раз она отправилась в командировку, в битком набитом автобусе. День стоят, не выезжают, шофёр на капоте дремлет, один человек заходит, другой выходит, смеются, и так до вечера. Потом у одной деревни останавливаются, у другой, заходят в дом к родственникам, знакомым, опять смеются. Почему не едем? Да вон тому не успели шапку сшить, сейчас дошивают. А автобус стоит — и ничего.

А потом она поняла — всё правильно. Для них это жизнь, праздник — поехать по магазинам, по родственникам, и смеются — им хорошо вместе. А тому ведь

действительно шапка нужна — зима скоро. И куда вообще спешить? Зачем? Они просто живут.

Но сама-то она живёт иначе, носится всё время, хлопочет. Вот опять про школу. Ой, до смерти охота сделать эту школу — новую, тёплую, деревянную. Место есть, у горы, такой вид, с ума можно сойти, в объектив не влезает. Вот здесь будут идти занятия, втекать прямо на террасу, в беседку гора, река и лес, где каждый ведёт свою мелодию — щебечет, свистит, тренькает, заливаётся, а получается не диссонанс и не хор, а ангельское разноголосье. Такая школа — как лес...

И всего-то надо — поставить коробку, убедить Министерство образования и найти психа, который бы повёл это дело. Главное — найти психа. Вот её шеф не верит, что можно сюда кого-нибудь затащить, а она верит, что можно, что она не одна такая. «Может, он спит и видит...»

Я обещал ей обратиться через печать и вот обращаюсь. Приезжайте! Тут такие дети необычные. У Урии младшая умирала, и Урия чем спасла — мысленно держала под колпаком, и она выжила. От этой девочки — какой-то свет. Она очень любит животных и неправдоподобно как их понимает, особенно лошадей. Из неё может выйти что-то особенное. У Муслимы тоже мальчишка необычный. Максютювские есть два пацана. Вот ещё на них надежда, говорит Людмила, есть дети, на которых будет держаться жизнь.

На чём стоит мир? На детях, на школе, на Волкове с его лесными интерпретациями, на Марате с его духами и дивами, на Людмиле с её пчёлами. Все они живут на одной реке, те — у начала сплава, другие подальше, третьи ближе к концу. Соединить их вместе — будет нечто. А если загубят реку, на которой они живут, — ничего не останется. Ничегошеньки.

Над заповедником горит яркая звезда. Если посмотреть в стереоскопическую трубу, увидишь, что это не звезда, а планета, вокруг которой оранжевое сияние других. Планеты выстраиваются в ряд, и совсем скоро наступит парад планет.

Одни говорят, что конец света. Другие — что начало. **НО**

